

нодушными, или же на погибель отъ палящаго полуденнаго солнца? Знаешь ли ты, садясь въ кругу семейства за столъ, съ избыткомъ всѣмъ переполненный, благодаря твоему трудолюбію и счастью, и услаждаясь здоровымъ аппетитомъ твоихъ малютокъ, знаешь ли ты, что въ это же самое время сотни дѣтей, нѣкогда также бывшихъ предметомъ родительской любви, гложутъ только черствую корку хлѣба, да нерѣдко и ея не имѣютъ? Отправляя своихъ дѣтей съ наступленіемъ ночи на безопасное, охраняемое любовью ложе, и благочестиво поручая ихъ небесному промыслу, знаешь ли ты, что въ тоже самое время сотни сиротъ пробираются вдоль домовъ, чтобъ высмотрѣть себѣ украдкой уголокъ какого нибудь двора; — что, можетъ быть, многіе изъ нихъ устремляютъ отуманенные слезами взоры въ твое свѣтящееся окно, соразмѣряя счастье другихъ дѣтей съ собственнымъ несчастіемъ, и унося отчаяніе въ своемъ вдвойнѣ сокрушенномъ сердцѣ? Знаешь ли ты, что это — также люди, созданные по образу Божию, что это — дѣти, которыя, подобно твоимъ, увя! нѣкогда были также предметомъ любви для своихъ родителей, дѣти, которыхъ нѣкогда также охраняло попеченіе отца, которыхъ въ восторгѣ прижимала и дѣлала мать у своего полного радости сердца — и они должны выростать среди нужды и напастей и вести борьбу своими неокрѣпшими, неискусившимися силами противъ лишеній! Не страшный ли они упрекъ тебѣ и твоимъ дѣтямъ, а со временемъ можетъ быть и болѣе чѣмъ упрекъ, — они, не развившіеся ни физически, ни нравственно, съ дѣтства воспитавшіе въ себѣ мрачное и ожесточенное расположеніе духа?

А потому, мои сограждане! если врачеваніе пролетарьята есть объективная задача нашего времени, то воспитаніе сиротъ, будучи непремѣною частью этой задачи, вмѣстѣ съ тѣмъ навсегда останется задачей для сердца, для личнаго чувства, для субъективной любви. Воспитаніе сиротъ есть дѣло не гражданскаго только благоустройства, а божественнаго міроваго порядка, — есть священная обязанность.

Съ своей стороны мы заручаемъ себя съ искреннею любовью этому великому, благородному дѣлу и призывая всѣхъ къ благочестивымъ пожертвованіямъ въ первомъ же номерѣ этого журнала,* мы тѣмъ самымъ посвящаемъ его на служеніе, въ первыхъ рядахъ, священнѣйшимъ интересамъ человечества, пробужденію и духовному возрожденію Израиля.

Д-ръ Швабахеръ

ПРОБУЖДЕНІЕ.

(Письмо въ редакцію.)

Полагаю, что читателямъ вашимъ не безызвѣстенъ отвѣтъ какого-то греческаго философа на вопросъ: «что всего легче и что всего труднѣе?» Не скрываю, что во время оно слова мудраго Аеннина въ хитонѣ отъменно мнѣ нравились какъ своею вѣрностью, такъ и своею назидательностью; мнѣ тогда казалось, что лучшаго отвѣта и быть не можетъ. Но времена, а съ ними и понятія, какъ извѣстно, перемѣняются. Одинъ и тотъ же вопросъ, который *когда-то* разрѣшали такъ, *теперь* разрѣшаютъ иначе. Поэтому, если-бы кто нибудь обратился теперь ко мнѣ съ вопросомъ: «что всего легче и что всего труднѣе», я, вмѣсто извѣстнаго классическаго отвѣта, съ своей стороны, далъ бы такой: легче всего — гагачій пухъ, а труднѣе всего — быть сотрудникомъ или корреспондентомъ еврейскаго періодическаго изданія, имѣющаго современное направление.

Да, почтенные читатели: принимая въ соображеніе предубѣжденіе большинства нашихъ единоплеменниковъ противъ зараждающагося у насъ гласности и его предрасположеніе къ напыщеннымъ похваламъ, періодически появляющимся... извѣстно гдѣ; принимая въ соображеніе какъ изощренную вѣковыми страданіями чувствительность, доходящую до болѣзненной раздражительности, такъ и не-церемонное, почти патриархальное обращеніе нашихъ братьевъ съ своимъ собратомъ, — должность сотрудника или корреспондента еврейскаго журнала гораздо щекотливѣе и даже опаснѣе, — словомъ, гораздо труднѣе, нежели инымъ кажется.

Развивая какую-нибудь современную идею, сотрудникъ подпадаетъ обвиненіямъ въ *опасномъ* рационализмѣ и едва ли не атеизмѣ; сообщая какой-нибудь возмутительный фактъ, который такъ и притягиваетъ на судъ общественнаго мнѣнія, корреспондентъ навлекаетъ на себя сильное подозрѣніе въ не-любви къ своему народу.

Какъ же быть? спрашиваю васъ, какъ же быть? Переливать изъ пустого въ порожнее, или толочь воду способенъ не всякій, наименьше же тотъ, кто рѣшается писать не для собственнаго удовольствія, а чтобы принести какую-нибудь пользу.

Что пользы, наприимѣръ, если мы, положимъ, въ качествѣ корреспондента, сообщимъ, что въ нашемъ городѣ находится талмудъ-тора, госпиталь, общество призрѣнія бѣдныхъ и тому подобныя учрежденія? Какое назиданіе, какую пользу извлекутъ наше и еврейскія общества другихъ городовъ отъ этого сухого офидіальнаго донесенія?... Но, если мы, рапортуя о нашихъ общественныхъ учрежденіяхъ, укажемъ въ тоже время на направленіе и порядкомъ, или

* Статья нашего достопочтеннаго раввина назначалась для перваго номера «Сіона», но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ была отложена.

на дружное отсутствіе обоихъ въ томъ или другомъ заведеніи, если мы раскроемъ недостатки, которые за ними водятся, или вычислимъ достоинства, которыя они легко могли-бы имѣть, тогда, можно надѣяться, мертвыя строки возбуждать живыя мысли въ умахъ тѣхъ, кому общественное благо близко къ сердцу; эти же живыя мысли, съ своей стороны, вызываютъ еще живѣйшую дѣятельность, перемѣны, улучшения, преобразованія. А улучшения нашихъ общественныхъ учреждений теперь, если не ошибаюсь, хочетъ почти каждый еврей. Говорю: почти *каждый*, потому что, по моему мнѣнію, нужно быть человекомъ весьма ограниченаго ума или весьма апатическаго сердца, чтобы не быть проникнуту мыслию, что порядокъ или, справедливѣе, беспорядокъ вещей, подъ которымъ теперь прозябаютъ наши общественныя учрежденія разныхъ категорій, уже отжилъ вѣкъ свой, и приноситъ нашему народу весьма сомнительную пользу, чтобы не сказать — положительный вредъ.

Мы не должны забывать, что нашъ народъ, относительно своего внутренняго быта, къ которому относятся почти всѣ наши общественныя отправленія, предоставленъ *de facto* самому себѣ. Наши спеціально-народные интересы, много-много, могутъ рассчитывать на благосклонное одобреніе и покровительство извнѣ, покровительство, отъ котораго имъ, собственно, ни холодно, ни тепло. При отсутствіи же еще въ нашихъ обществахъ правильнаго, органическаго представительства (*Vorstand*), кто можетъ принимать на себя инициативу всякаго общепользнаго дѣла, кто можетъ быть регуляторомъ, стражемъ, блюстителемъ и наконецъ судьей надъ проявленіями и отправленіями нашихъ общественныхъ интересовъ, если не безпристрастное, ничѣмъ не подкупимое общественное мнѣніе, разрѣшающее *яснымъ словомъ* или *ясностью*, которая, — говоримъ по опыту, — дѣйствуетъ на нашъ впечатлительный народъ рѣшительнѣе, нежели на какой-нибудь другой. Но этой-то гласности, которой суждено быть въ наше время высшею судебною инстанціею, и единственнымъ лекарствомъ противъ неблагонамѣренности во всѣхъ ея тщательно-затаиваемыхъ проявленіяхъ, противъ злоупотребленій и всей фаланги общественныхъ язвъ, мѣшающихъ правильному развитію, возможному успѣванію и возжеланному благосостоянію народа, этой-то гласности, говоримъ, многіе изъ нашихъ братьевъ, по узкости-ли понятій, или по другимъ причинамъ, о которыхъ мы только догадываемся, отказываютъ въ правахъ гражданства, преслѣдуя ее и словомъ, и дѣломъ. Жаль, право, жаль...

Прочитавъ предъидущія строки, читатель готовъ подумать, что я вотъ и собираюсь уже писать какую-нибудь обличительную статью, хоть я, по крайней-мѣрѣ, въ настоящую минуту, совершенно да-

лекъ отъ этого намѣренія. Я, видите-ли, собственно заговорилъ теперь о гласности по поводу первой годовщины ея зарожденія на русско-еврейской почвѣ, и, пробѣгая мысленно все, что она, въ столь короткое время, успѣла сдѣлать для нашего народа, я ощущаю въ своемъ сердцѣ такую полноту теплыхъ чувствъ, что не могу не почтить дня, въ который она впервые увидѣла свѣтъ, нѣсколькими задушевными словами.

Прошелъ годъ съ того достопамятнаго 27-го мая, въ который мы, т. е. русскіе евреи, всегда безмолвные, впервые заявили свѣту о себѣ, какъ о племени, собирающемся идти на встрѣчу своего матерьяльнаго и нравственнаго возрожденія и современнаго прогресса. Прошелъ годъ, какъ мы въ глазахъ нашихъ соотечественниковъ перестали быть неорганическою массою, нѣмою глыбою, большимъ, но жалкимъ обломкомъ своеобразнаго, относительно — прекраснаго, но уже давнымъ-давно разрушеннаго зданія, отдѣльныя части котораго, снятыя съ своихъ фундаментовъ, забранныя, разсыпанныя, и заброшенныя въ разные углы земнаго шара, испытываютъ на себѣ разныя, почти діаметрально-противоположныя судьбы.

Здѣсь — обставляютъ ими черный дворъ, въ полномъ убѣжденіи, что онѣ на чтонибудь другое, почище, и не могутъ быть годны; тамъ включаютъ ихъ въ составъ капитальныхъ стѣнъ вновь сооружаемыхъ публичныхъ строеній, рассчитывая, что отъ этой химической смѣси общественныя зданія выйдутъ еще прочнѣе; еще въ другомъ мѣстѣ изъ нихъ даже лѣпятъ изящныя формы, укращающія собою карнизы царскихъ палатъ, находя, что это вполне соответствуетъ духу, вкусу и требованію современнаго искусства.

Предоставляя безпристрастному мыслителю дѣлать свои соображенія объ этихъ курьезныхъ явленіяхъ, мы обращаемся къ нашему предмету.

Повторяемъ: прошелъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ мы перестали быть нѣмою глыбою, потому-что мы получили языкъ, мы заговорили публично, мы возимѣли органъ, посредствомъ котораго мы сообщали всѣмъ, кто только хотѣлъ насъ слышать, какъ мы себя чувствуемъ, и что насъ особенно радуетъ, о чемъ мы не можемъ не скорбѣть, что возбуждаетъ въ нашемъ сердцѣ живѣйшую симпатію, и мимо чего мы проходимъ съ тихимъ, едва слышимымъ ропотомъ, удаляясь въ свою старую школу терпѣнія, въ которомъ народъ нашъ упражняется не со вчерашняго дня. Однимъ словомъ, мы заявили о себѣ, какъ о племени, живущемъ не одиными допотопными идеями, сочувствующемъ почти всему, что заслуживаетъ сочувствія человека и гражданина, готовомъ не отставать ни на шагъ отъ духа времени, если-бы въ томъ только не препятствовали ему обстоятельства, совершенно отъ него не зависящія.

Сомнѣваемся, чтобы тотъ, кто интересуется нравственнымъ развитіемъ всего человѣческаго рода, не сочувствовалъ тому многозначительному факту, что въ племени, которое всегда считали законѣлымъ и невѣжествомъ, гоняющимся только за материальными выгодами, вдругъ, почти безъ всякаго поощренія извнѣ, возродилась мысль—имѣть свой органъ для публичнаго обсуживанія своихъ высшихъ интересовъ и вопросовъ, общественныхъ нуждъ и потребностей. Эта счастливая мысль, которая долго дѣлѣма была въ умахъ передовыхъ людей нашего народа, была приведена въ исполненіе. Появился «Разсвѣтъ», появилась гласность въ полномъ значеніи этого слова. Вопреки существующей пословицѣ: *chaque oiseau trouve son nid beau*, мы, озираясь вокругъ себя, нашли, къ нашему сожалѣнію, что наше родное гнѣздо куда какъ не красиво, и мы не только не побоялись подѣлиться этимъ печальнымъ открытіемъ съ окружающею насъ иноплеменной публикою, отъ которой, откровенно говоря, мы не могли ожидать себѣ особеннаго состраданія, но съ какимъ-то отчаяннымъ самоотверженіемъ выставляли наши слабыя стороны, народные недуги, дабы насъ лечили, кто только можетъ. Кто не согласится, что такое сознательное пробужденіе, такое великодушное самообвиненіе есть вѣрнѣйшій залогъ нашего искренняго желанія идти впередъ?

Да, мы пробудились. А спали мы долго и крѣпко, благо на дворѣ стояла погода пасмурная, располагавшая ко сну. Не дай Богъ и злѣйшему врагу нашему имѣть такіа страшныя сновидѣнія, при одномъ воспоминаніи которыхъ волосы становятся дыбомъ; и морозъ пробѣгаетъ по кожѣ. Случалось: вдругъ пробудится кто-нибудь, протретъ глаза и съ-горяча бросится съ жесткой постели къ дверямъ и окошкамъ, чтобы вдохнуть въ себя свѣжей воздухъ, облегчить грудь; но—увы! двери и окна были глухо на глухо заколочены,—нѣтъ исхода: задыхайся же вмѣстѣ со всѣми въ темной, тѣсной, душной и дымной избѣ. Побродить, бывало, этотъ неспящій, потормошить и окличить того-другого изъ собратовъ: не отзываются. Знать, еще не пора вставать. И плюнетъ, бывало, горемыка, и нѣ-хота погрузится опять въ сонъ, въ оцѣпѣненіе — до поры всеобщаго пробужденія.

Но вотъ настало утро! «Вагкоі»!! *) прогремѣло, какъ зарева пушка, по всему лагерю Израиля, и каждый, кто только имѣлъ чувствительное сердце въ груди и здоровую голову на плечахъ, съ восторгомъ откликнулся на этотъ завѣтный лозунгъ, и всталъ на ноги. Началось торжественное званеннодѣйствіе, какъ во храмѣ древняго Сіона, въ ве-

*) По халдейски: утрення заря,—извѣстный лозунгъ часовыхъ Иерусалимскаго храма.

ликий день умилостивленія. Переполошились, затрепетали многіе, услышавшіе, какъ хоръ новыхъ аронидовъ сталъ громогласно исповѣдовать грѣхи дома Израилева; но было много и такихъ, которые, видя какъ этотъ хоръ служить своему народу, радовались, ликовали: «блаженны очи наши, видящія сіе». Настало утро! слышите братья? Проснитесь, спящіе; очнитесь, дремлющіе! Ночные стражи постепенно сходятъ съ своихъ постовъ. На гауптвахтѣ—слышите—бьютъ зарю. Вотъ-вотъ залетѣетъ утренній колокольчикъ, и на улицѣ покажутся люди; вотъ-вотъ отпрутятся, можетъ быть, двери и нашей хаты, и мы тоже поспѣшимъ на великій праздникъ нашей доброй матушки, да живетъ она на радость своихъ сыновей и пасынковъ!... А вы, новые арониды, народные органы наши въ Россіи, гудите въ колокола, будите народъ нашъ, да встанетъ старъ и младъ, и да идетъ на встрѣчу божественному свѣтлу.

Все ясно: Божій день, вставая, зла не прячетъ;
Но не погбли мы!... и много спасено...
Мы мачты укрѣпимъ, мы паруса подтянемъ,
Мы нашимъ топотомъ встревожимъ праздныхъ дѣнь —
И дальше въ путь пойдемъ, и дружно пѣсню грянемъ...
Господь, благослови грядущій день. *)

Вильно, 27-го мая 1861 г.

Л. Леванда.

ПОЯСНЕНІЯ КЪ СТАТЬѢ Г. ВЕСЕЛОВСКАГО:

«Нѣкоторыя мѣстныя условія дѣла о Ципкѣ Мендакѣ»

(Слѣд. Пчела, № 128).

Г. Владиміръ Веселовскій взялъ на себя трудъ изложить въ своей статьѣ тѣ мѣстныя условія дѣла Ципки Мендакѣ — отношеніе мѣщанскаго еврейскаго населенія къ крестьянскому жмудскому, — которыя, по его же словамъ, считаются излишними при официальном слѣдствіи, но которыя должны занять важное мѣсто при гласномъ обсужденіи вопроса. При этомъ г. Веселовскій защищаетъ и юридическій ходъ дѣла. Мы не будемъ слѣдить за нимъ въ томъ, что касается собственно юридической стороны, тѣмъ болѣе что онъ самъ обѣщаетъ подѣлиться съ читающею публикою результатами формальнаго слѣдствія, когда настанетъ для этого время. Но то, что говоритъ г. Веселовскій объ отношеніи евреевъ къ жмудинамъ, и что можетъ быть примѣнено почти безъ всякой перемѣны къ отношенію первыхъ вообще къ крестьянскому населенію западныхъ губерній, заслуживаетъ вниманія и не по одному только дѣлу Ципки Мендакѣ. — Изъ статьи г. Веселовскаго безпристрастный и снабженный извѣстною критическою спо-

*) Я. Половскій.